

М. Е. Бойко

Метод структурного анализа характеров литературных персонажей: апробация и первые итоги¹

Аннотация: в статье представлено одно из наиболее перспективных направлений психологического литературоведения — литературная характерология. Апробируется методика гипотетической реконструкции характеров литературных персонажей путем структурного анализа текста. В качестве объекта исследования выбран роман «Венера в мехах» (1869) австрийского писателя Л. фон Захер-Мазоха, главные герои которого идентифицируются как акцентуированные личности, стоящие на грани патологии. Демонстрируется, как структурный анализ позволяет по-новому осмыслить сюжет и коллизию романа, приблизить к пониманию такого сложного явления, как мазохизм. Вводится представление об «алгохарактерах», «микросхизисе», выявляется ряд закономерностей, ранее ускользавших от исследователей и интерпретаторов.

Ключевые слова: акцентуированные личности, Венера в мехах, Л. фон Захер-Мазох, культурология, психологическое литературоведение, структурный анализ, психосемиотика, характерология.

Не абсурдно ли говорить о характерах (акцентуациях характера) вымышленных литературных персонажей? Очевидно, что от ответа на этот вопрос зависит возможность применения характерологии к анализу художественного текста. Мы полагаем, что не абсурдно. Решающим аргументом в данном случае служит плодотворность характерологического (шире: психиатрического) подхода в литературоведении².

Однако идентифицировать характеры литературных персонажей удастся далеко не всегда — по ряду причин, на которые указывает К. Леонгард: «...Писатель преследует множество целей, находящихся за пределами сферы психологии и просто не имеет возможности тщательно выписать особенности личности разных действующих лиц. Нередко, наконец, сами персонажи служат воплощением идеи, принципа, порой они задуманы скорее символически, так что вообще не могут представлять людей реальных»³.

Удастся это только в том случае, если образ литературного персонажа богат характерологическими деталями и выписан с большим психологическим правдоподобием и глубиной. Многие писатели в

этом отношении прирожденные диагносты (Гофман, Бальзак, Стендаль, Достоевский и др.) — с такой клинической точностью они описывают психологический склад и движения души своих героев.

С другой стороны, описание характера, сделанное талантливым клиницистом или психоаналитиком, приобретает отличительные черты художественного текста. «Написанные Фрейдом истории болезней производят впечатление новелл, но однажды он заявил, что не считает это недостатком»⁴, — утверждает О. Фенихель. В сущности, не столь уж важно, с какого рода текстом мы имеем дело, если этот текст достаточно богат характерологическими деталями.

Необходимая оговорка заключается в том, что как бы мы ни идентифицировали характер того или иного литературного персонажа, наше заключение не будет окончательным, поскольку клиническая экспертиза и дополнительные исследования в данном случае невозможны. Таким образом, в наших силах лишь возможно более правдоподобная, но при этом неизбежно гипотетическая, реконструкция характеров.

Мы в нашем исследовании попытаемся определить тип характера каждого из трех главных героев выдающегося романа «Венера в мехах» (1869) австрийского писателя Л. фон Захер-Мазоха (1836–1895): Северина фон Кузимского, Ванды фон Дунаевой и Алексея Пападополиса (Грека).

Характер Ванды. Проще разобраться с характером возлюбленной Северина. Ванда фон Дунаева — типичный циклоид. В начале романа

¹ Выражаю благодарность доктору филологических наук, главному научному сотруднику Российского института культурологии В. П. Рудневу, подтолкнувшему меня к написанию данного исследования.

² См.: Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1981; Руднев В. П. Характеры и расстройства личности: Патография и метапсихология. М., 2002; Руднев В. П. Диалог с безумием. М., 2005; Руднев В. П. Введение в шизореальность. М., 2011; Белянин В. П. Психологическое литературоведение. М., 2006, и др.

³ Леонгард К. Указ. соч. Акцентуированные личности. Киев, 1981. С. 269.

⁴ Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004. С. 26.

молодой вдове самое большое 24 года (27⁵). С первых страниц она предстает воплощением жизнерадостности, добросердечия, теплоты, мягкости, ласковости, открытости, общительности и естественности — всех тех качеств, которые обозначают термином «синтонность» [*< греч. созвучность, согласованность*]⁶.

Смех и улыбка, сопутствующие циклоидной женщине, — неизменные атрибуты Ванды на протяжении всего повествования, хотя ближе к развязке они приобретают несколько иное значение. Можно заметить, что ее смех образует симметричную «рамку» романа. Ночное свидание, во время которого Северин исповедуется Ванде в своих самых затаенных желаниях, завершается раскатами ее смеха: «она еще смеялась, когда я спускался по лестнице <...> я все еще слышал сверху ее озорной, безудержный смех» (59). И последнее, что слышит Северин, когда Ванда оставляет его, — это раскаты ее смеха. Только теперь уже она спускается по лестнице, и ее смех доносится снизу: «она продолжала смеяться безо всякой жалости <...> и смех ее еще доносился, когда она, под руку с ним, сходила с лестницы и усаживалась в коляску» (159).

Ванда смеется на протяжении всего романа (38, 59, 77, 92, 100, 119, 130), даже трудно подсчитать, сколько всего раз. Смеется насмешливо (31), звонким, почти детским смехом (33), откинувшись назад (39), весело и мелодично (127), звонко и весело (150), громко (143), подчас хохочет (51) и не может остановиться: «разразилась смехом <...> снова расмеялась» (43).

Столь же часто упоминается об улыбке Ванды (86, 88, 89, 115, 122, 126, 129, 151, 154). Улыбается она лукаво (33), чарующе (34), приветливо (47), блаженно (77), обворожительно (85, 90), прелестно (116).

В отличие от несносного патетика и зануды Северина, Ванда наделена чувством юмора и часто шутит: «Благодарю вас за этот ученый эротический доклад» (56), «А сейчас как вы чувствуете себя? Как будто вас уже наполовину колесовали?» (58) и т. д.

Глаза Ванды лукаво искрятся (37), иногда с насмешливым довольством (58), заливаются сладостной страстью (103), при волнении наполняются слезами (77). Смотрит она «чрезвычайно дружелюбно» и тут же «изумленно, а потом немного насмешливо» (43), снова насмешливо (64), тепло и многообещающе (71), спокойно и ясно, как солнце (42), трепетно, влажно, жадно-горячо (46).

Говорит она живо (38), горячо (60), шутливо (70), взволнованно (75), довольно (87), насмешли-

во (86, 105, 130, 131, 142), спокойно (137), вспыхнув (141), порывисто (134), шепчет лукаво (77), болтает «самым милым и увлекательным образом» (89), восклицает почти испуганно (46), нетерпеливо кричит (42, 65). Постоянно перебивает Северина (59, 67, 71) и по ходу действия делает это все более резко (82, 135, 141). Но всякий раз в ее ответах чувствуется живой анализ, чутье и быстрая реакция.

Прикосновения Ванды ласковы (84, 140), нежны (84, 85); ведет себя она шаловливо (89, 118, 129), то и дело страстно припадает к губам Северина (99, 120), грозит пальцем и хмурит брови (38), любит пейзажем (41), кокетничает (58, 80, 111, 118), лучится счастьем и довольством (152), оглядывает себя в зеркале с горделивым удовольствием (64). От ревности бледнеет и дрожит всем телом (118), от волнения становится быстрой и резкой (135). Уютно устраивается в любом помещении (91, 94), энергична и практична (эпизод с арендой виллы).

Проследив за колебаниями настроения Ванды на протяжении романа, легко уловить типичную циклоидную волну с амплитудой в границах нормы. В приподнятой (гипертимной) фазе Ванда весела, подвижна, остроумна, смеясь и озорничая, «скачет» по комнате (59, 153, в оригинале: *sprang lachend im Zimmer herum u sprang mutwillig durch das Zimmer*). В пониженной (гипотимной) фазе — меланхолична, спокойна, нежна, пассивна, устала, ленива (136), оказывается вдруг рассеянной и расстроенной безо всякого повода (85), по всему ее существу разливается тоска, затаившая в себе нечто зловещее (75), мрачно смотрит на Северина, но потом взгляд ее светлеет (84), говорит тихо (115), апатично (147), томится от скуки (117), желает рассеяться, выехать (132). Иногда ее мучает бессонница, и она приходит к Северину среди ночи (55, 88). Особенно колеблется настроение Ванды по прибытии во Флоренцию: периоды холодности и нежности сменяют друг друга, и однажды она на месяц удаляет от себя Северина (109).

Как все циклоиды, Ванда чувствует близость к природе, тягу к свежим ощущениям-наслаждениям, прекрасным дарам жизни, склонность к материалистическому — «языческому» (34) на языке героев — мироощущению, алчность до наслаждений (156). Идеал, который она пытается осуществить в жизни, — «радость без страдания» (34).

Как все циклоиды, Ванда непостоянна, переменчива, подвержена скуке и догадывается об этом. Легко поддается влиянию, в частности, своей подруги. Только что ее очаровательное лицо светилось счастьем — и вот уже она морщит лоб и выказывает известное нетерпение (69). Почти сразу и дважды предупреждает Северина, что едва ли сможет любить его дольше двух месяцев (44, 74), сомнева-

⁵ Номера страниц и цитаты приводятся по изданию: Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах / Пер. с нем. А. Гараджи. М.: Культура, 1992.

⁶ Бурно М. Е. О характерах людей. 3-е изд. М., 2008. С. 11.

ясь в прочности своих чувств, не спешит вступать в новый брак и говорит об этом «очень серьезно» (44). Утверждает, что повинуется только порывам (72), сама себя называет «своенравной» (82) и дважды «легкомысленной» (43, 61).

Судя по некоторым признакам, имеет Ванда и характерный для циклоидов пикнический габитус (телосложение)⁷. У нее полные губы (33), пухленькая ручка (111), она постоянно уподобляется тициановской «Венере с зеркалом» (22–23, 29, 96). Тело ее названо стройным (102, нем. *schlank*), но уже через несколько страниц — пышным (110, 113, нем. *üppig*). Северину она напоминает Екатерину II (116), телосложение которой может быть названо скорее тучным.

Первый муж Ванды — жизнерадостный циклоид. Он страстно любил ее и даже в ночь накануне смерти взял ее к себе в постель (37). В момент знакомства с Северином Ванда уже вдова, и все говорит о ее сексуальной опытности и здоровом сексуальном инстинкте. Это полностью соответствует тому, что писал о циклоидах Э. Кречмер в классическом труде «Строение тела и характер» (1921): «Сексуальный инстинкт циркулярно предрасположенных лиц прост, естествен и очень живой <...> Уклонений от нормального направления инстинкта у лиц с циркулярным предрасположением в большинстве случаев не отмечается»⁸; «У людей с циркулярным предрасположением сексуальная жизнь протекает гладко и естественно, гармонируя со всей аффективностью; мы не находим у них той пропасти или расщепления, которые так резко выступают у многих лиц с шизофреническим предрасположением, а также и у здоровых шизотимиков: здесь мое “я”, моя этическая личность, там сексуальный инстинкт как нечто враждебное, постоянно мешающее инородное тело»⁹.

Закономерно, что Северин просит Ванду сделать его нормальным (68). Но мы знаем, что вышло иначе: не Ванда сделала Северина нормальным, а Северин пробудил в Ванде «опасные наклонности» (148). Как же это ему удалось?

Ванда II. В силу своего характера Ванда не может быть ни настоящей садисткой, ни настоящей мазохистской. Циклоид для этого слишком жизнерадостный, полнокровный и поверхностный. Ролевые игры для циклоида — именно игры, приправа к основному блюду, без которой, в сущности, можно обойтись. Современная западная *BDSM*-субкультура в социально-приемлемых формах руководствуется принципами *Safe/Sane/Consensual* (Безопасный/Разумный/Добровольный), т. е. носит, по сути, декоративный, игровой характер. Это выдает ее циклоидную природу.

Но, будучи циклоидом, Ванда подвержена суггестивному воздействию, и в поле такой мощной девиации, какой наделен Северин, у нее возникает своеобразное расщепление, которое остается в пределах нормы. Мы будем обозначать его термином «микросхизис», чтобы отличать от схизиса, возникающего при шизофрении. В результате микросхизиса появляется индуцированная («наведенная») субличность¹⁰ Ванды, которую мы будем называть Ванда II. Проясим мысль с помощью естественнонаучной аналогии. Сильный заряд поляризует электрически нейтральные тела, превращая их в диполи. Диполи электрически нейтральны, но ведут себя так, словно бы обладают электрическим зарядом — как электрические квазизаряды.

Ванда II — индуцированный садоциклоид. Говоря об индукции, мы хотим подчеркнуть несамостоятельность, фантомность, неустойчивость этой субличности. Сама по себе, без постоянной энергетической подпитки от Северина, Ванда II существовать не может. Это обнаруживается, когда она оказывается в поле действия другого мощного шизоида — Алексея Пападополиса (Грека).

Пока преобладает влияние Северина (мазошизоида), существует Ванда II (садоциклоид). Но как только возобладает влияние Грека (садошизоида), «дипольный момент» Ванды тут же поменяет знак и возникнет другая эфемерная субличность — Ванда III (мазоциклоид).

В циклоиде много детской непосредственности, способности к теплому сопереживанию (эмпатии), он способен играть, вживаться в незнакомые роли и делает это более естественно, чем истерик. Но всякая игра — это микросхизис. Подталкивая Ванду к игре, Северин обнаруживает в ее душе крохотный, едва тлеющий уголек, который ему удастся раздуть. Ванда — хорошая актриса, жаждущая новых ролей и жизненных ситуаций. Воспользовавшись этим, Северин развращает ее фантазию, разжигает ей кровь (60), ее «дьявольское любопытство» (68). Они образуют резонансный взаимодополняющий алгоальянс, способный воплощать мазофантазмы Северина. Под словом «алгоальянс» [греч.

⁷ Кречмер Э. Строение тела и характер. М., 2000.

⁸ Там же. С. 79.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Понятие «субличность», согласно которому субличность представляет собой динамическую подструктуру личности, ввел в научный обиход итальянский психиатр и психолог Р. Ассаджиоли, обладающую относительно независимым существованием: «Наиболее общие и очевидные субличности отражают ситуативные роли, которые мы играем в своей жизни сейчас или играли в прошлом — ребенок, друг, любовник, родитель, учитель, доктор или офицер» (Ассаджиоли Р. Самореализация и психологические нарушения // Духовный кризис: когда преобразование личности становится кризисом. М., 2000. С. 50). См. также: Руднев В. П. Тайна курочки Рябы: Безумие и успех в культуре. М., 2004. С. 37–38; Rowan J. Subpersonalities: The People inside us. L., N.Y., 1991.

боль, однокоренные слова: алголагния, алгология, анальгин, ностальгия и т. д.] мы подразумеваем любовный союз, основанный на причинении партнерами друг другу боли.

Посмотрим, как зарождается и наливается кровью фантомная Ванда II. Северин провоцирует Ванду (забирает туфлю) и видит, что у нее «нахмурен лоб и вокруг губ легла какая-то суровая, властная складка» (42). Это дает ему представление о потенциале Ванды в качестве садоциклоида.

Провоцирование продолжается. Ванда смотрит странным, ошеломляющим взглядом (45, 76), со странным довольством (84). Слово «странный» однозначно указывает на пробуждающуюся Ванду II. В теплой синтонной женщине Ванде I нет и не может быть ничего «странного».

Ванда все чаще морщит лоб (77, 80), хмурит свои тонкие, но энергично очерченные брови (48), отвечает почти гневно (49, 61), сурово (80), холодно и насмешливо, со злой улыбкой на губах (82), с несказанным пренебрежением (87), протягивает руку с горделивой небрежностью (87), наделяет Северина милостивым кивком (88). В ее глазах мелькает что-то недоброе, зловещее, холодное (47, 80).

Теперь она говорит бессердечно и холодно (107), злобно (142), сдвигает брови с выражением злой насмешки (63, 106), приглядывается со злобной язвительностью (110), надменно (145), демонстрирует равнодушие (131, 142), которое сменяется гневом (143), зловещее спокойствие (134), отвечает искаженная гневом (155), невыразимо пренебрежительным движением бросает Северину кошелек (145), смотрит холодно и бессердечно со злой улыбкой (142), говорит с сатанинской насмешкой (157).

In summa: Ванда II — сильная и самоуверенная (47), холодная, жестокая, похожая на статую, подчас некрасивая (155), с наморщенным лбом, сдвинутыми бровями, скрещенными руками (61, 117, 128). Даже когда она прекрасна, то кажется совершенно чужой: незнакомые черты, жесткое лицо, на котором лежит какое-то зловещее выражение усталости и пресыщения (110). Она похожа на белую медведицу (первый сон Северина, 98), на львицу (132, 133, 134, 138, 140).

Ванда II неустойчива, она начинает «мерцать» и «таять», как только лишается подпитки. «Мазохисту нужно образовать для себя деспотическую женщину. Он должен ее убедить и заставить ее «подписаться». Он по сути своей — воспитатель. И он сталкивается со всеми теми опасностями потерпеть неудачу, которыми чревато любое педагогическое начинание. Во всех романах Мазоха переубежденная женщина сохраняет какое-то последнее сомнение, как бы опасаясь войти в роль, к которой ее подталкивают, но которой она, возмож-

но, не сумеет придерживаться — переигрывая или не доигрывая»¹¹.

Вот ее голос звучит резко и повелительно, но вслед за этим она теплеет и улыбается (61), говорит не свойственным ей «дрожащим голосом» (67), колеблется и смущается: «Внезапно посмотрев на меня мрачным, даже свирепым взглядом, она ударила меня хлыстом; в следующее мгновение она склонилась ко мне с выражением сострадания на лице, нежно обвила рукой мою шею и спросила полусмущенно, полуиспуганно» (64). С отвращением отказывается воплощать фантазмы Северина (67), но затем с чрезвычайной серьезностью добивается их осуществления (76). Этот циклоидный маятник Северин старательно раскачивает.

По прибытии во Флоренцию амплитуда настроений Ванды увеличивается. Она на время забывает о договоре (84), ударив Северина, тут же пугается (97), заводит его в ближайший подъезд, чтобы поцеловать (99), испытывает приливы нежности (115), доброты и ласки (140), стыдится своей грубости (119).

Ванда искренне заблуждается относительно произошедшей в ней метаморфозы, считает, что в ней дремали опасные наклонности (62), которые Северин первым пробудил (148), сделал ее надменной и жестокой (148), полагает, что находит удовольствие в сознании своей власти над человеком, одаренным умом, чувством и волей (154). Ванда II — медиум, и эти пафосные речи вкладывает в ее уста Северин: «<...> мазохистский герой кажется воспитанным, образованным авторитарной женщиной, но на более глубоком уровне это она им образована и переряжена, это он внушает ей те жестокие слова, которые она к нему обращает. Именно жертва, не щадя себя, говорит устами своего палача»¹².

Однако стоит появиться Греку, и фальшивая патетика разлетается в пух и прах. Фантом тает, и медиумическими устами начинает говорить уже Грек: «Женщина нуждается в господине и боготворит его» (146), «Женщине нужен такой муж, на которого она бы смогла смотреть снизу вверх» (149). Появляется Ванда III — мазоциклоид.

Характер Северина. В самом начале романа мы узнаем, что Северину 26 лет. По косвенным свидетельствам мы можем заключить, что он все еще девственник «и в любви дилетант, никогда не уходивший дальше грунтовок, первого акта» (28).

Понять толком, что происходит между Северином и Вандой, из текста романа до конца невозможно. Виной тому необычайная пристойность

¹¹ Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха: Холодное и жестокое // Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах; Фрейд З. Работы о мазохизме. М., 1992. С. 198.

¹² Делёз Ж. Указ. соч. С. 199.

работ Мазоха, отмеченная Делёзом: «Самый убежденный цензор не найдет в “Венере” ничего, достойного порицания, разве что предъявит свои претензии к той неуловимой атмосфере, тому ощущению духоты и подвешенности, которые присутствуют во всех романах Мазоха <...> О Мазохе, в противоположность Саду, надлежит сказать, что никто никогда не заходил столь далеко, сохраняя при этом пристойность»¹³.

Первоначально Ванда Северина интересует очень мало (27), он влюблен в каменную Венеру и при знакомстве не испытывает «молниеносной вспышки страсти» (40). Складывается впечатление, что живые женщины волнуют героя лишь постольку, поскольку «их можно спутать с холодными изваяниями, залитыми лунным светом, или с изображениями на окутанных тенью картинах»¹⁴.

Спустя 10 дней после того, как Ванда представила Северину «все права супруга, поклонника и друга» (45), он все еще не обладает ею (46). В этом же ключе можно понять загадочный упрек, бросаемый Вандой: «Если бы ты был менее добродетелен, ты был бы совершенно нормален» (68). Описание сцены, во время которой Северин вот-вот овладеет своей возлюбленной, завершается фразой, что чувства оставили героя (69).

Очевидно, что Северин — сильно акцентуированный шизоид. Под акцентуациями вслед за А. Е. Личко мы понимаем «крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, отчего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим»¹⁵.

Как шизоид Северин ищет «не красивую девушку, но женщину вообще, “абсолютное”: женщину, религию, искусство — в одном лице», его отличает «не горячее естественное влечение, но экстаз и резкая холодность»¹⁶. Ему свойственны «инфантильные установки эмоций, которые затем своеобразно изменяют развитие сексуального инстинкта, окрашивают или оттесняют его», «мечтательная нежность», «ненормально долго длящееся самоотгораживание от сексуального познания, пребывание в ложно стыдливом неведении или в инфантильных кругах представлений в таком возрасте, когда другие уже давно осознали свой инстинкт»¹⁷. В своих мыслях, переживаниях, поступках он отражает «не столько реальный внешний мир таким, как он есть, сколько собственное, концептуально-теоретиче-

ское к нему отношение, в котором уже остается довольно мало от полнокровной реальности — как например, в композициях Кандинского или в обнаженных женщинах Модильяни»¹⁸.

Северин как будто бы отделен тонким ледяным слоем от внешнего мира, отсюда неспособность его найти общий язык с другими слугами в гостинице (конечно, не только из-за языкового барьера) и то, каких трудов ему стоило навести справки о русском князе (81).

Но Северин не просто шизоид, но еще и мазохист, а следовательно расщеплен на две субличности, которые мы будем обозначать Северин I и Северин II. Это не классический схизис, как у шизофреников, а то, что мы договорились обозначать термином «микросхизис» — в данном случае *мазофрения*. Субличности в этом случае знают о существовании друг друга и взаимодействуют: «в душе его борются самые противоречивые чувства» (59). У Северина не индуцированный (как у Ванды), а автономный микросхизис, восходящий, по-видимому, к самым ранним годам жизни героя. Исповедуясь возлюбленной, Северин сам реконструирует генезис и этиологию своих «странностей» (50–55).

Северин I — мазошизоид. Кречмер бы отнес его к «патетическому типу идеалиста»¹⁹. Северин I застенчив, запальчив (47), обостренно чувствителен (наделен «мимозоподобной тонкостью чувств»), сентиментален, нервен, постоянно возбужден, друг книги и природы, фетишист и символист. Живет в мире собственных фантазмов, примеряя различные личности — Самсона, Олоферна, христианских мучеников (57) и еретиков (58). Гадает, что такого натворить, чтобы Господь отдал его в руки женщины (30). Вяжет свое концептуальное аутистическое кружево²⁰.

Он крайне боязлив. Приняв Ванду за ожившую мраморную Венеру, бросается от нее в «невыразимом ужасе» (28). Страшится потерять то, чем еще не обладает (46). Типичное самоощущение — пристыженность, униженность (43), как у мальчишки, ожидающего наказания (42).

При виде Ванды впадает в «роковое ослиное бормотание» (34), «дилетантизм сдавливая ему горло» (37), «бессвязно бормочет» (42), ведет себя как «слабосильный, скованный человек-призрак» (136). Когда Ванда необычайно ласкова с ним, он задыхается, а от взаимности страдает (68).

Напрочь лишен юмора, зато невыносимо пафосен — вообще несносный патетик. В отношении Северина дважды употребляется эпитет «торжественный»: с торжественной серьезностью он говорит (39), торжественно ставит туфлю Ванды на

¹³ Делёз Ж. Указ. соч. С. 201, 212.

¹⁴ Там же. С. 248.

¹⁵ Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. 2-е изд. Л., 1983. Гл. 1.

¹⁶ Кречмер Э. Указ. соч. С. 127.

¹⁷ Там же. С. 80.

¹⁸ Бурно М. Е. Указ. соч. С. 45.

¹⁹ Кречмер Э. Указ. соч. С. 141–143.

²⁰ Бурно М. Е. Указ. соч. С. 51, 53.

стол (42). Не хочет ничего «половинчатого и беспцветного» (48), моментально приводит себя в состояние совершенного иступления (47), разгоряченный воображением едва владеет собой (76).

С самого детства питает любовь к статуям (пигмалионизм) (50), испытывает загадочную робость перед женщинами, в которой выражается, в сущности, некий жутковатый интерес к ним (50). В прошлом — любовь к троюродной тетке (графине Соболев), наказание розгами и несколько лет спустя пребывание в кругу ее поклонников (54). В том возрасте, когда другие мальчики ведут себя грубо и грязно, он питает непреодолимое отвращение ко всему низменному, пошлому, некрасивому (51), избегает всякого соприкосновения с прекрасным полом (51), проявляет катонскую суровость к женщинам (52). Поцеловать женщину в руку для него означает утратить к ней всякую почтительность (40).

Самоопределение героя — «сверхчувственный» (25), «дилетант и в живописи, и в поэзии, и в музыке, и еще в кое-каких из тех так называемых бесплодных искусств», но прежде всего «дилетант в жизни» (26), у которого «все коренится больше в фантазии и получает оттуда пищу» (57).

Северин II, разумеется, тоже шизоид, но с чертами ананкаста: холодный, отчужденный, настороженный, подозрительный, наделенный чувством собственного достоинства, трезвомыслящий. Именно он находит взгляд пробуждающейся Ванды II «странным» (45, 76), а ее саму «загадочной» (90). Для Северина I в Ванде II нет ничего странного или загадочного — это проекция его сокровенных фантазий.

Испугавшись Ванды в вечернем саду (приняв ее за ожившую статую Венеры), Северин беседует сам с собой, и сразу выступают обе его субличности:

«Наконец, я останавливаюсь и произношу краткий монолог.

Он звучит — ну да, ведь наедине с самим собой люди всегда бывают либо очень любезны, либо очень грубы.

Итак, я говорю себе: Осел!» (32)

Очень любезен Северин I, очень груб — Северин II. Слово «осел!» говорит трезвомыслящий Северин II, и оно оказывает «грандиозное действие, точно заклинание, спасающее меня и приводящее в себя».

Типичный диалог:

«ВАНДА: Видишь ли, это был бы выход. Ты не хочешь потерять меня, мне ты дорог и духовно так близок и нужен, что я хотела бы всю жизнь прожить с тобой, если бы у меня помимо тебя...

СЕВЕРИН II: Что за мысль! Ты внушаешь мне ужас к себе.

ВАНДА: И ты меньше любишь меня?

СЕВЕРИН I: Напротив! <...> В неверности любимой женщины действительно таится мучительная прелесть, высшее сладострастие» (73)

Таким же образом обстоит дело во внутреннем монологе:

«СЕВЕРИН II: Иногда мне все-таки становится жутковато — отдаться так всецело, так безусловно в руки женщины. Что, если она злоупотребит своей властью, моей страстью?

СЕВЕРИН I: Ну, что ж — тогда я испытаю то, что волновало мою фантазию с раннего детства, неизменно наполняя меня сладостным ужасом. Глупое опасение. Все это просто невинная игра, в которую она будет играть со мной, не больше. Она ведь любит меня, и она так добра — благородная натура, не способная ни на какую неверность. Но это все-таки в ее власти — она может, если захочет — какая прелесть в этом сомнении, в этом опасении!» (79).

Именно Северина II тревожит развитие ситуации, и он заявляет Ванде: «Ты бессердечней, чем я думал <...> Ты слишком серьезно воспринимаешь мои фантазии» (81), «Разве у тебя нет сердца, как у меня?» (142). Прочитав письмо, в котором объявляет себя самоубийцей, он испытывает ужас (104) и нехорошие предчувствия: «Кто же из нас помешался — я или она? Зарождается ли все это в изобретательном, прихотливом женском мозгу, с намерением превзойти мои сверхчувственные фантазии, или эта женщина действительно одна из тех нероновских натур, которые находят дьявольское наслаждение в том, чтобы как червя бросать себе под ноги человека мыслящего, чувствующего и обладающего волей точно так же, как и они сами?» (114).

Заметим, что реплики субличностей Северина не чередуются, а идут блоками, однако каждую из реплик не составляет труда приписать той или иной его субличности.

Гептагон. В корне неверно усматривать в «Венере в мехах» вариацию классического «любовного треугольника» (Северин, Ванда, Грек). Прimitивная триангуляция в данном случае заводит в тупик. Строго говоря, в любовной фигуре, нарисованной на страницах романа, семь углов.

Мазошизоид Северин имеет две субличности (мазофрения): Северин I и Северин II.

Садошизоид Грек также имеет, как минимум, две субличности (садофрения): Грек I и Грек II.

Циклоид Ванда I имеет, кроме того, две индуцированные фантомные субличности: Ванда II (садоциклоид) и Ванда III (мазоциклоид).

Итого: пред нами не тригон, а гептагон. Рассмотрим теперь бинарные связи между субличностями.

Северин I практически равнодушен к Ванде I (живой женщине), он влюблен в платоновскую идею ав-

торитарной госпожи, более адекватным воплощением которой является мраморная статуя. Замещает ее Ванда II, подпитываемая и скрыто манипулируемая Северином. Индуцированная субличность Ванды, естественно, отвечает ему взаимностью.

Ванда I влюблена в Северина II, в котором ее привлекает серьезность, о чем она говорит четыре (!) раза (41, 62, 148, 160). Именно его она рассматривает в качестве потенциального супруга. Северин II отвечает ей взаимностью и видит в ней будущую жену. Когда Северин II начинает доминировать над Северином I, на смену иступленности приходит спокойствие: «кровь, клокотавшая во мне только что буйными волнами, вмиг улеглась, потекла спокойно <...> я мог рассматривать ее всю с тихой радостью, к которой не примешивалось ни атома муки или томления <...> и меня не покидало это спокойное блаженство» (125–126).

Ванда II пугает, отталкивает Северина II, кажется ему странной и даже некрасивой, поэтому он и говорит: «Мы с вами — противоположности, настроенные почти враждебно друг против друга, — отсюда та сильная любовь моя к вам, которая представляет собой отчасти ненависть, отчасти страх» (49). Фантомная Ванда II, когда «управление» берет Северин II, лишается подпитки, на глазах «сдувается».

Таким образом, до появления Грека мы имеем любовный четырехугольник: Северин I, Северин II, Ванда I, Ванда II.

После появления Грека (Грек I и Грек II) диспозиция меняется. Появляется еще один фантом — Ванда III (мазоциклоид), желающая господина и его кнута.

В том, что личность Грека также расщеплена, т. е. налицо микросхизис (в данном случае садофрения), нас убеждает не только его садизм («сражался с турками на Крите и, говорят, отличался там своей расовой ненавистью и своей жестокостью по отношению к врагу не меньше, чем своей храбростью», 134), но и травестийный эпизод. Вторую субличность Грека мы видим только мельком: «В Париже он появился вначале в женском платье, и мужчины принялись осаждать его любовными письмами...» (137).

И самое главное: Ванда I разлюбила Северина II, а тот начинает тихо ненавидеть Ванду I, «эту женщину» (119). Она это чувствует и сама начинает испытывать к нему «своего рода ненависть» (149).

Теперь Ванду и Северина связывает только страсть Северина II к фантомной Ванде II. Охлаждение Ванды к Северину и позволяет ей довести воплощение мазофантазма до логического завершения.

Во втором сне Северин видит, что он убивает Ванду в припадке ярости (113), — это вытесненное желание Северина II. Но тут сон перехватывает Северин I, теперь его казнят, и палачом оказывается Ванда.

Как только дело заходит слишком далеко, Северин II, наделенный чувством собственного достоинства и инстинктом самосохранения, начинает бунтовать. Пишет письмо, в котором объявляет их связь расторгнутой (86), негодует, когда Ванда объявляет ему, что он не годится ей в мужа, и во втором письме заявляет: «И я не раб больше <...> я покидаю женщину, которую теперь могу только ненавидеть и презирать» (143).

После визита Грека начистоту говорит с Вандой именно Северин II — мужчина с чувством собственного достоинства, суровый и резкий, не останавливающийся перед тем, чтобы поставить ее на колени и угрожать кинжалом (150).

Мнимое выздоровление. Одна из самых уникальных особенностей «Венеры в мехах» — это то, что ее герои (и, разумеется, внимательный читатель) с самого начала знают, чем все закончится. Ванда сообщает об этом Северину шесть (!) раз. Повторим: ШЕСТЬ раз.

Рецепт «излечения» Северина рождается в голове Ванды в ночной беседе вскоре после знакомства: «— Отвратительно, ужасно! — воскликнула Ванда. — <...> в волчьей шкуре, под зубами псов или на колесе, — вот уж исчезла бы для вас в этом всякая поэзия!

— Вы думаете? Я так не думаю» (58)

Это закономерная экстраполяция фантазий Северина, которую интуитивно проделывает чуткая Ванда. На протяжении романа она еще пять раз предупреждает Северина о том, что его ждет:

«— Быть рабом женщины <...>

— <...> которая, когда вы, обезумев от ревности, выступите против счастливого соперника, дойдет в своей наглости до того, что подарит вас ему и отдаст вас во власть ему и его грубости» (59).

«— С тех пор, как мы во Флоренции, ты...

— Сохраняла тебе полную верность, — закончила Ванда. <...> Но поклонником я все же обзаведусь, иначе дело не будет доведено до конца и ты, в конце концов, будешь упрекать меня в том, что я была недостаточно жестока с тобой» (115).

«Не будет ли мне доставлять сатанинскую радость, когда я буду совсем равнодушна или буду любить другого, — мучить, пытаться человека, который меня боготворит, точно идолопоклонник, видеть его умирающим от любви ко мне?» (123).

«— Я понимаю, какое впечатление он должен был на тебя произвести, — ответил я; моя фантазия снова закружила меня в бешеном вихре. — Я и сам был вне себя, и могу себе представить...

— Можешь себе представить, — рассмеялась она, — что этот мужчина — мой возлюбленный и что он хлещет тебя, а для тебя наслаждение — принимать от него удары» (134).

«Я испытываю к тебе своего рода ненависть, я могла бы с истинным удовольствием смотреть, как он избил бы тебя до смерти, но пока еще я себя обуздываю, пока еще...» (149).

Нельзя сказать, чтобы до Северина не доходил смысл ее фраз, он знает, чем все закончится, не хуже Ванды, но одержим фатальной логикой мазофантазма: «Я предчувствовал катастрофу, я уже видел ее перед собой. Мог осязать ее руками, но у меня не хватало духу встретить ее, силы мои были надломлены» (139).

Под хлыстом Грека Северин проклинает «и себя, и свою сладострастную фантазию, и женщину, и любовь» (158). Ванда, как следует из ее письма, полагает, что Северин «выздоровел», и Северин с ней согласен: «Лечение было жестоко, но радикально. А главное — я выздоровел» (160).

Что происходит? Под хлыстом Грека погибает Северин I и вместе с ним растворяется эфемерная Ванда II. Если расценить состояние Северина накануне развязки как шизотипический психоз, к чему дают основания угрозы убийства (150) и самоубийства (142), попытка утопиться (145), то Северин, каким мы его видим в экспозиции и постпозиции романа, — постпсихотическая личность. Он действительно изменился, с ним произошло то, что было удачно названо «переслаиванием характера»: какие-то характерные особенности исчезли и на их место пришли новые, дотоле несвойственные²¹.

Но было ли «выздоровление»? И тут мы лишний раз убеждаемся, что Захер-Мазох заслуживает звания великого клинициста и антрополога, которым его наградила Ж. Делёз²².

Развязка. Разберемся вначале, что произошло с Вандой. Из ее письма, написанного спустя три года, мы узнаем, что Грек погиб на дуэли. Она ведет жизнь Аспазии — имеется в виду, конечно, жизнь светской львицы, а не гетеры, ведь Ванда богата (36). Гибель Грека означает, что фантомная Ванда III также развеялась.

И действительно, перед нами прежняя Ванда I, по сути, такая же, какой мы ее застаем на первых страницах романа. Ее письмо пропитано теплотой синтонной женщины. Циклоид податлив, но и упруг. Как только деформирующий фактор исчезает, он принимает прежнюю форму. И мы не удивились бы, если бы узнали, что еще через несколько лет из Ванды вышла верная супруга и добродетельная мать.

Это полностью согласуется с нашей гипотезой: «Циркулярные психозы протекают волнами,

которые набегают и уходят и опять выравниваются. Почти одно и то же наблюдается в картине личности до и после психоза. Шизофренические психозы протекают толчками. Что-то перемещается во внутренней структуре. Все строение может рушиться внутри, или же появляются некоторые уклоны. Но в большинстве случаев сохраняется нечто, что уже больше не исчезает. В легких случаях мы называем это постпсихотической личностью <...>»²³.

После переслаивания характера в Северине берет верх подавленная субличность — Северин II. Оправившись от потрясения, он «сам надел на себя испанские сапоги труда и жил впредь так же разумно, как будто бы мой старик стоял за моей спиной и смотрел через мое плечо своими большими умными глазами» (159). Это шизоид с чертами ананкаста — шизоананкаст²⁴: «Для галицийского дворянина и помещика, равно как и для своего возраста — ему было немного за тридцать, — он высказывал поразительное трезвомыслие, известную серьезность и даже педантизм. Жил он по тщательно выполняемой системе, полупрактической, полуфилософской, словно по часам, но не только: также и по термометру, барометру, аэрометру, гидрометру, Гиппократу, Хуфеланду, Платону, Канту, Книге и лорду Честерфильду...» (21).

Но продолжим цитату: «...при этом, однако, временами его настигали сильные припадки страстности, когда он мог головой стену прошибить, и тогда всякий предпочитал не вставать у него на пути». Слово «странный», как и всюду в романе, указывает на микросхизис. Именно этим словом характеризуют Северина ближайшие соседи, да и вся Коломыйская округа. Северин остался расщепленной личностью, только «заряд» его второй субличности сменился на противоположный. Появился Северин III, чем-то напоминающий Грека, т. е. садошизоид и садофреник.

Новая субличность (Северин II) демонстрирует эпилептоидные черты:

«В этот самый миг распахнулась дверь, и в комнату вошла красивая полная блондинка с умными приветливыми глазами, одетая в широкое шелковое платье, неся нам к чаю холодное мясо и яйца. Северин взял одно из них и расколочил его ножом.

— Не говорил я тебе разве, что они должны были быть всмятку? — вскричал он с порывистостью, заставившей молодую женщину задрожать.

— Но, Севчу, милый! — испуганно пробормотала она.

— Что — «Севчу»?! — заорал он, — слушаться ты должна, слушаться — понимаешь?! — И он сорвал с гвоздя плетку, висевшую рядом с его оружием.

²¹ Волков П. В. Разнообразие человеческих миров: Руководство по профилактике душевных расстройств. М., 2000. С. 373.

²² Делёз Ж. Указ. соч. С. 192.

²³ Кречмер Э. Указ. соч. С. 119.

²⁴ Бойко М. Е., Руднев В. П. Видовой признак // НГ-Ex libris, 30.09.2010; Руднев В. П. Введение в шизореальность. М., 2011.

Стремительно и перепугано, словно затравленная косуля, хорошенькая женщина бросилась прочь из комнаты.

— Погоди же, ты мне попадешься! — прокричал он ей вслед» (24).

Нас это не должно вводить в заблуждение. Шизоидный гнев по своему психологическому механизму скрытого аффективного застоя и бессмысленного разряжения имеет некоторое родство с соответствующей реакцией эпилептоида²⁵.

Когда современные исследователи утверждают: «Его едва ли можно назвать садистом хотя бы потому, что его насилие не имеет связи с удовольствием и сладострастием. Опыт, полученный Северином — психологическая травма, нарушившая целостность личности, проваленный эксперимент перерождения»²⁶, — они, на наш взгляд, неправы. Целостность личности Северина была нарушена еще в детстве. У Северина отсутствует конституирующая инстанция, спаивающая субличности, т. е. различные режимы существования, в единую цельную личность²⁷.

Итак, когда в конце романа Северин говорит: «А главное я выздоровел», — это ничто иное, как самообольщение. Ему кажется, что теперь знает, как следовало поступить с Вандой: «Если бы я только догадался ударить ее хлыстом!» (161).

Ну и что произошло бы, если бы Северин догадался ударить Ванду хлыстом? Дочитав до конца, мы можем ответить на этот вопрос. Ничего хорошего. Развязка была бы другой, но столь же трагичной.

Ванда четырежды (!) объяснила Северину, что ее в нем притягивает. Это «известная глубина и воодушевление и — главное — серьезность» (41), «преимущественно серьезный, мыслящий нрав» (62), серьезность, глубина и суровость (148), «ясность мысли, сердечная доброта и, главное, нравственная серьезность» (160). Ключевое слово — «серьезность», то качество, которым она в силу характера в какой-то степени обделена и хочет обрести в

своем муже. Жестокости в этом списке нет, и удар хлыстом по любящей женщине едва ли может сойти за «нравственную серьезность».

Психотерапевт П. Волков верно подметил: «Порой в шизоидов глубоко влюбляются циклоидные женщины, которые дают шизоидам уют и защиту от внешнего мира, но для них, как правило, неприемлемо, если шизоид их романтически обожествляет, возносит на ненужный им пьедестал»²⁸.

В конце романа герои попытались разобраться, что же с ними произошло, и выяснилось, что оба ничего не поняли...

Вывод. Наше исследование показало, что исключительное место романа «Венера в мехах» в мировой литературе объясняется отнюдь не обилием мазохистических сцен. В этом отношении у Захер-Мазоха имеются яркие предшественники: Ж.-Ж. Руссо, маркиз де Сад, Н. Ретиф де ла Бретон, И. С. Тургенев и др. Главное — это психологически точное воспроизведение характеров (акцентуаций характеров), структурно-динамическое описание душевных процессов, понимание предопределенности трагической развязки.

Секрет неувядающей популярности «Венеры в мехах» и посмертной славы его создателя состоит в том, что Захер-Мазоху удалось художественно запечатлеть один из самых стабильных (с точки зрения характерологии) алгоальянсов — союз индуцированного садоциклоида (Ванда) и автономного мазошизоида (Северин).

Предложенный метод гипотетической реконструкции характеров литературных персонажей образует, по сути, новый взгляд на произведения мировой литературы различных эпох. Он более полно раскрывает их смысловое богатство и непреходящую ценность, а самое главное — приближает к пониманию психологии как автора произведения, так и его современников. Очевидно, что подход имеет большое культурологическое значение и нуждается в дальнейшей разработке.

²⁵ Кречмер Э. Указ. соч. С. 132.

²⁶ Коломиец Г. Г., Макурина И. К. Исходы мазохистской инициации // *Торос.ru*, 5.05.2009.

²⁷ Розин В. М. Феномен множественной личности. М., 2009.

²⁸ Волков П. В. Указ. соч. С. 253.

Список литературы:

1. Ассаджиоли Р. Самореализация и психологические нарушения // Духовный кризис: когда преобразование личности становится кризисом. М., 2000.
2. Ассаджиоли Р. Психосинтез. М., 2008.
3. Белянин В. П. Психологическое литературоведение. М., 2006.
4. Бойко М. Е., Руднев В. П. Видовой признак // НГ-Ex libris, 30.09.2010.
5. Бурно М. Е. О характерах людей. 3-е изд. М., 2008.
6. Волков П. В. Разнообразие человеческих миров: Руководство по профилактике душевных расстройств. М., 2000.
7. Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха: Холодное и жестокое // Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах. Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха. Фрейд З. Работы о мазохизме. М., 1992.
8. Коломиец Г. Г., Макурина И. К. Исходы мазохистской инициации // Topos.ru, 5.05.2009.
9. Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия. М., 1996.
10. Кречмер Э. Строение тела и характер. М., 2000.
11. Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1981.
12. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. 2-е изд. Л., 1983.
13. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М., 2011.
14. Полубояринова Л. Н. Леопольд фон Захер-Мазох — австрийский писатель эпохи реализма. СПб., 2006.
15. Розин В. М. Феномен множественной личности. М., 2009.
16. Руднев В. П. Характеры и расстройства личности: ПатогRAFия и метапсихология. М., 2002.
17. Руднев В. П. Тайна курочки рябы: Безумие и успех в культуре. М., 2004.
18. Руднев В. П. Диалог с безумием. М., 2005.
19. Руднев В. П. Введение в шизореальность. М., 2011.
20. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004.
21. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 1993.
22. Rowan J. Subpersonalities: The People inside us. L., N.Y., 1991.

Bibliography:

1. Assadzioli R. Samorealizatsiya i psikhologicheskie narusheniya // Dukhovnyy krizis: kogda preobrazovanie lichnosti stanovitsya krizisom. M., 2000.
2. Assadzioli R. Psikhosintez. M., 2008.
3. Belyanin V. P. Psikhologicheskoe literaturovedenie. M., 2006.
4. Boyko M. E., Rudnev V. P. Vidovoy priznak // NG-Ex libris, 30.09.2010.
5. Burno M. E. O kharakterakh lyudey. 3-e izd. M., 2008.
6. Volkov P. V. Raznoobrazie chelovecheskikh mirov: Rukovodstvo po profilaktike dushevnykh rasstroystv. M., 2000.
7. Delez Zh. Predstavlenie Zakher-Mazokha: Kholodnoe i zhestokoe // Zakher-Mazokh L. fon. Venera v mekhakh. Delez Zh. Predstavlenie Zakher-Mazokha. Freyd Z. Raboty o mazokhizme. M., 1992.
8. Kolomiets G. G., Makurina I. K. Iskhody mazokhistskoy initsiatsii // Topos.ru, 5.05.2009.
9. Kraft-Ebing R. Polovaya psikhopatiya. M., 1996.
10. Krechmer E. Stroenie tela i kharakter. M., 2000.
11. Leongard K. Aktsentuirovannyye lichnosti. Kiev, 1981.
12. Lichko A. E. Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov. 2-e izd. L., 1983.
13. Mak-Vil'yams N. Psikhoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom protsesse. M., 2011.
14. Poluboyarinova L. N. Leopold fon Zakher-Mazokh — avstriyskiy pisatel' epokhi realizma. SPb., 2006.
15. Rozin V. M. Fenomen mnozhestvennoy lichnosti. M., 2009.
16. Rudnev V. P. Kharaktery i rasstroystva lichnosti: Patografiya i metapsikhologiya. M., 2002.
17. Rudnev V. P. Tayna kurochki ryaby: Bezumie i uspekh v kul'ture. M., 2004.
18. Rudnev V. P. Dialog s bezumiem. M., 2005.
19. Rudnev V. P. Vvedenie v shizoreal'nost'. M., 2011.
20. Fenikhel' O. Psikhoanaliticheskaya teoriya nevrozov. M., 2004.
21. Khorni K. Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. M., 1993.
22. Rowan J. Subpersonalities: The People inside us. L., N.Y., 1991.